
С.А. Ермолаев

**ЗАПАДНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ И РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
(ПОЛЕМИКА С А.А. ГОРСКИМ)**

Ермолаев Сергей Александрович – кандидат философских наук,
научный сотрудник ИИОН РАН.

Чем были схожи средневековые Русь и Западная Европа, и в чем они кардинально расходились? Советская наука когда-то пыталась настаивать на принципиальной близости их социального порядка. Широко известно представление о феодализме как о многоступенчатой вассально-ленной иерархии – системе земельных держаний низшестоящих феодалов от высшестоящих в обмен на военную службу. Официальные советские историки, начиная еще с М.Н. Покровского, на первых порах подгоняли русское Средневековье под описанную модель (21, с. 28–54). Впоследствии, впрочем, такой подход потерял актуальность. Трудно было не заметить, что применительно к Руси классические представления о феодализме не работают. Совсем не случайно уже в наше время исследователи все чаще говорят о том, что никакого феодализма в русских землях не было вовсе. На данный счет авторитетным стало мнение классика французской медиевистики М. Блока, в свое время ограничившего зону господства феодализма Западной Европой, добавив, правда, еще Японию (4, с. 429–436). Спустя несколько десятилетий известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич в феодализме тоже оказался «склонен усматривать преимущественно, если не исключительно, западноевропейский феномен» (9, с. 20).

Впрочем, чаще отечественные исследователи придерживались другого мнения. Они считали, что феодализм в России существовал, но носил весьма своеобразный характер. Об этом русском своеобразии писали многие: И.Н. Данилевский, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин, Л.В. Милов, И.Я. Фроянов, А.Л. Юрганов и т.д. Работы этих авторов начисто устранили сомнения: русское Средневековье, независимо от того, называть ли его феодальным, от за-

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

падного отличалось сильно. Расхождения в социальном устройстве казались более явными, чем сходства.

И вот в недавних статье и книге отечественного историка-россиеведа А.А. Горского мы находим совсем другие мысли (6; 7). Вдруг выясняется, что «развитие общественного строя Руси в эпоху Средневековья шло по тому же пути, что и в других европейских странах» и надо говорить о «принципиальном типологическом единстве» всех стран тогдашней Европы, включая, естественно, Русь (7, с. 80). Может показаться, что мы вернулись к самым истокам советской исторической науки, чуть ли не во времена Покровского. Однако полным возвращение назвать нельзя. Горский применяет совсем другую логику рассуждений. Он вовсе не подстраивает русское Средневековье под модель классического феодализма. Напротив, по словам Горского, очень многое из русских реалий в ее нее не вписывается: «частная крупная земельная собственность вплоть до XIV века была на Руси распространена относительно мало, вассальные отношения носили преимущественно одноступенчатый характер» (6, с. 24; 7, с. 78). «Одноступенчатый» – поскольку вся военная элита русского средневекового общества служила непосредственно князю. А вот в «классической модели» феодализма, как уже отчасти сказано, существовало несколько уровней: огромное число феодалов были одновременно и вассалами, и сеньорами. На этот нюанс историки часто обращают внимание, когда сравнивают западноевропейский феодализм с русским общественным строем или – шире – с социальным устройством средневековой Восточной Европы. П. Андерсон писал, что на всем восточноевропейском пространстве «было мало или совсем не было промежуточной страты землевладельцев между рыцарями и монархами», что «сложные цепочки феодальной лестницы были здесь практически неизвестны» (2, с. 209). И Милов, обращаясь уже непосредственно к Руси, считал невозможным создание тут «сколько-нибудь многоступенчатой феодальной иерархии». Зато в Западной Европе, по словам Милова, такая иерархия служила «могучим рычагом консолидации класса феодалов» (20, с. 465).

Так откуда же тогда взяться пресловутому «принципиальному типологическому единству» средневековых Запада и Руси? Горский данное «единство» выводит из того, что та самая «классическая модель» феодализма «в действительности практически нигде не существовала», «являет собой едва ли не фикцию» (6, с. 15, 24; 7, с. 66, 78). Во-первых, Горский ссылается на гипотезу Н.Ф. Колесницкого (17) о том, что «первоначальной формой феодальной эксплуатации в Западной Европе служили государственные подати, а подчинение крестьян частным земельным собственникам явилось уже дальнейшей стадией процесса формирования феодальных отношений» (6, с. 13; 7, с. 64). Во-вторых, та самая частная земельная собственность – «сеньория-феод... обусловленная службой», – согласно пригляднувшейся Горскому работе анг-

лийской исследовательницы С. Рейнольдс (27), «стала реальностью только к XII веку» (6, с. 14; 7, с. 65). Никаких аргументов в пользу этого тезиса Горский не приводит, но уверен в нем целиком и полностью. А, в-третьих, даже после того как «сеньория-фьеф» все же «стала реальностью», в Западной Европе все еще оставалось немалое количество «рядовых свободных» крестьян. Крестьяне эти находились в подчинении не феодалов, а государства – чем не доказательство, что «общественные отношения в Западной Европе не исчерпывались “феодальной ипостасью”» (6, с. 14–15; 7, с. 65).

И получается у Горского практически полная идентичность русского и западного Средневековья. На Руси крестьяне, по меньшей мере, до конца XV в. были свободны, и на Западе многие так и не попали в зависимость к феодалам; на Руси была неразвита система вассалитета, и на Западе она сошла лишь во втором тысячелетии; наконец, на Руси частное землевладение до самого образования единого Московского государства играло незначительную роль, и на Западе сеньории далеко не сразу достигли преобладающего положения. Словом, как кажется Горскому, все почти один к одному. Разница может состоять лишь в пропорциях, в которых выступали «государственные и сеньориальные формы общественных отношений». Горский вынужден признать, что на Западе «сеньориальные формы» в конечном счете распространялись заметно шире, чем в средневековой Руси (6, с. 25; 7, с. 79–80). Но этот факт, с точки зрения Горского, мало что меняет. Он ссылается на мнение Ю.Л. Бессмертного о том, что те самые «сеньориальные» и «государственные» элементы общественных отношений как в Западной, так и в Восточной Европе не просто сосуществовали, но тесно переплетались и глубоко проникали друг в друга (6, с. 14; 7, с. 65). И на Руси, и на Западе, условно говоря, государственные люди были одновременно землевладельцами и, наоборот, землевладельцы в чем-то представляли собой государственных людей. Следовательно, совершенно неважно, какой из «элементов» – «государственный» или «сеньориальный» – в том или ином регионе Европы формально преобладал.

Обратимся к той статье Бессмертного, на которую опирается Горский в своих выводах (3). Действительно в ней много сказано о том, что не только на Руси, но и, к примеру, во Франции не вся территория находилась в частном владении. Немалую часть земли сохранило за собой государство в лице французского короля, который управляем ею руками своих чиновников – прево и балль. Точнее, они только считались чиновниками, а, по сути, как считает Бессмертный, были обычными феодалами. Прево и балль осуществляли управленические функции – собирали налоги и штрафы, вершили правосудие, т.е. делали все то же самое, что и владельцы феодов. И, так же как и феодалы, прево и балль передавали свои права на земли по наследству. Поступления с «королевских свободных» в пользу государства, проходившие через прево и

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

балы, рассматривались как рентный фьеф, а держателей этого фьефа, согласно Бессмертному, фактически можно считать собственниками земли, которой они управляли (3, с. 28–30).

В этой части анализ Бессмертного выглядит вполне убедительным. И гораздо хуже обстоит дело, когда он от Франции переходит к Руси. По его утверждению, в русских землях роль французских прево и балы играли кормленщики (3, с. 30–31). Отличие Бессмертный согласен видеть лишь в том, что права и обязанности кормленщиков по отношению к конкретным волостям не были наследственными. Но он тут же оговаривается, что «это отличие вряд ли следует считать принципиальным» потому, в частности, что «кормленщик пользовался своими функциями в данной местности достаточно долго» (3, с. 31). Специалисты по русской истории тут же поймали бы Бессмертного на ошибке. В действительности полномочия кормленщиков на одной и той же территории зачастую не были долгими. С.Б. Веселовский писал, что кормления князя давали на год или же на два-три года, преследуя при этом цель «пропустить через кормления по очереди значительное количество лиц» (5, с. 76). Следовательно, не приходится говорить о долговременных правах кормленщиков на землю, а заодно и о переплетении «государственного и сенюриального элемента». Кормленщики были в чистом виде государственными служащими, а вот сеньорами их ни Бессмертному, ни Горскому представить не удалось.

Уже в этом пункте идея Горского о «типологическом единстве» средневековых Запада и Руси трещит по швам. А в других пунктах трещит еще сильнее. Предположим, и тут, и там было много «рядовых свободных» крестьян. Но как насчет того, чтобы соотнести доли свободных и зависимых? Каково это соотношение было на Западе в развитом Средневековье? И в самом деле историки сейчас полагают, что дошедшая до нас оттуда максима «Нет земли без господина» не отражала действительного положения дел. Ж. ле Гофф писал, что крестьяне, не попавшие в зависимость к феодалам, «были в Средние века более многочисленными, нежели это часто утверждается». Но тут же добавлял, что такая разновидность крестьянства «выпадала из экономической феодальной системы» (19, с. 279). То есть не эти крестьяне определяли западноевропейский общественный строй, где «феодальная ипостась» все же господствовала. А теперь возьмем данные по Руси. В домонгольские времена, по словам Фроянова, « рядовое свободное людство... решительно преобладало над всеми другими жителями» (25, с. 318). И в более поздние времена – во второй половине XV в., – как узнаем из книги Кобриня, «в Северо-Восточной Руси преобладали земли черных крестьян» (14, с. 40). Черные (не находящиеся в частных владениях) крестьяне не выпадали из системы, а сами были основной ее частью.

Предположим, «сеньория-феод» на Западе поздно оформилась. Но ведь оформилась же. Горский называет «классическую модель» феодализма – многоступенчатую вассальную иерархию – «едва ли не фикцией», но все же вынужден признавать, что эта «едва ли не фикция» все-таки «в определенный период существовала» (7, с. 78). А с какого времени существовала? С XII в., с момента, от которого упомянутая Горским Рейнольдс отсчитывает «сеньорию-феод»? Вообще-то другие историки, опираясь на документальные свидетельства, ведут отчет с более ранних времен. Разумеется, не от самого начала Средних веков, но, например, от 1000 г. Ле Гофф считает последующие за тем годом десятилетия периодом «основной перестройки социальной и политической структуры всего христианского мира», временем «*incastellamento*», когда происходила «организация всей жизни вокруг замка» (18, с. 84). Территории, подвластные владельцам замков, как раз представляли собой сеньории и феоды (18, с. 84–85). Андерсон, со своей стороны, исходную точку ищет несколько раньше. По его словам, «полноценная система феодальных владений» укоренилась на Западе век спустя после Карла Великого, т.е. в X столетии. А при Карле Великом появилось «ее первое ядро», «произошел важнейший синтез между земельными дарениями и обязательствами служения» (1, с. 138–139).

Еще к правлению Карла Великого относится примечательный эпизод. В 811 г. Карл Великий пожаловался, что некоторые прежде верные ему люди отказываются от военной службы под тем предлогом, что их сеньор на нее не призван, и они должны оставаться при нем (19, с. 66). Обратите внимание: сеньоры уже в начале IX в. препятствовали прямым сношениям своих вассалов с королем. Разве это не признак еще не сформировавшейся, но уже немало продвинувшейся в этом формировании той самой многоступенчатой вассальной иерархии? Есть основания полагать, что и сложилась она полностью несколько раньше XII столетия. Андерсон считал, что феодализм возник в X в. (1, с. 178), но чаще историки начинают феодализм все от того же 1000 г., с XI столетия (18, с. 82–92; 11, с. 17). Однако конкретная дата не столь и важна. Веком раньше или позже – какая разница? Принципиально другое: «классическая модель» феодализма по крайней мере в своих основных чертах – никакая не «фикация». Эта модель действительно наблюдалась в истории, пусть и не так долго, как хотелось когда-то официальной советской историографии. И если средневековая Русь ни в один момент не подходила под этот образец (в этом можно с Горским согласиться), то она серьезно отличалась от средневековой Западной Европы. И тогда никакого «принципиального типологического единства» не выходит.

Расхождение между русским средневековым общественным порядком и классической моделью феодализма еще глубже, чем представляет Горский. Надо принять во внимание сам характер, а не только масштабы частного

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

землевладения. Горский, как уже сказано, признает, что в русских княжествах оно было мало распространено. Но те земли, которые все же находились в личном владении дружиныхников, были, по Горскому, сродни западным феодам. Он неоднократно говорит о том, что на Руси князья жаловали земли за службу (6, с. 23, 25; 7, с. 77, 79). Однако свою позицию ничем не подкрепляет, не ссылается на документы или исторические исследования. Стоит тогда обратиться к работам крупных историков, которые Горский, учитывая его квалификацию, обязан знать. Что же эти историки говорят о службе с земли в русских княжествах?

Сначала В.О. Ключевский. Он пишет, что на Руси «поземельные отношения вольных слуг строго отделялись от служебных». По словам Ключевского, «эта раздельность настойчиво проводится в княжеских договорах XIV века». Такова была общая практика: «бояре и вольные слуги свободно переходили от одного князя на службу к другому; служба в одном уделе, могли иметь вотчины в другом; перемена места службы не касалась вотчинных прав, приобретенных в покинутом уделе» (13, с. 359). Теперь В.И. Сергеевич. Он ссылается на многочисленные документы, из которых следует, что владение бояр вотчинами в одном княжестве, а служба совсем в другом, было обычным явлением (23, с. 409, 412–413). Далее Веселовский, писавший как до революции, так и в советские времена. В своей поздней работе он упомянул, что в удельные времена служба с земли была не обязанностью землевладельца, а правом (5, с. 206). Перейдем к современным авторам. Милов пишет о весьма позднем создании «московской велиокняжеской (царской властью) статуса служилой вотчины» (20, с. 465). Ранее, получается, вотчина служилой не была. Наконец, возьмем монографию, где Горский выступал ответственным редактором и одним из авторов. Открываем главу, вышедшую из-под пера П.С. Степановича, и читаем: «На Руси до сложения поместной системы (то есть фактически до конца XV века) служба бояр или других людей практически никогда не связывалась с земельными пожалованиями» (8, с. 202). Странно, что Горский не знает, о чем сказано в им же редактируемой книге.

Почему же вотчины не обязывали бояр к службе? Казалось бы, одно подразумевает другое: раз князь дал вотчину приближенному, то должен что-то получить взамен. Но в том-то и дело, что с земельными раздачами обстояло даже хуже, чем думает Горский. Не княжеские дарения на протяжении большей части русского Средневековья были основным источником формирования земельной собственности. По Фроянову, «основные и первоначальные способы земельного стяжательства в Киевской Руси» – это «занима пустых неосвоенных земель и купля» (24, с. 212). Делает свой вывод Фроянов не голословно (этим выгодно отличаясь от Горского), а после глубокого анализа документов. И все сразу встает на свои места: бояре обычно не получали

земли от князя, а приобретали их самостоятельно, и, следовательно, за них ему ничего не были должны.

И такая заметная роль земельных купель, по Фроянову, имела место и в так называемый «Московский период», причем на значительном его протяжении, по XVI в. включительно (24, с. 212–213). И ведь не сказал Фроянов чего-то нового. Еще Сергеевич приводил договор от конца XIV в. между Дмитрием Донским и Владимиром Серпуховским: «А тебе, брату моему младшему, в моем уезде сел ти не купити, ни твоим бояром..; также и мне в твоем уделе сел не купити, ни моим бояром» (23, с. 409). Более чем убедительное свидетельство того, что бояре активно покупали земли, причем далеко за пределами княжеств, в которых служили.

Вот откуда бралась та самая «раздельность» служебных и земельных отношений на Руси – как в киевские, так и в удельные времена почти до самого их завершения. Для западного феодализма, напомню, подобная ситуация – нонсенс, там земельные отношения в своей массе подразумевали службу. Ключевский отсюда делал вывод об отсутствии в Московской Руси «феодального момента» (13, с. 359). Вывод простой и логичный, увы, не соответствующий шаблонной схеме Горского.

Впрочем, указанная «раздельность» не существовала вечно. Земельные пожалования на Руси тоже с некоторого момента вошли в практику. Ближе к концу удельного периода они заметно расширились и постепенно стали к тому же приобретать служебный характер. Финальный аккорд данного процесса – учреждение Иваном III системы поместий, дававшихся исключительно на условиях службы. Сходства между западным феодализмом и общественным строем Руси (пусть уже становившейся Россией), как может показаться, стало заметно больше. Но это на первый взгляд. А на самом деле не больше и не меньше: как была пропасть, так она и осталась. В одном отношении русское Средневековье в преддверии собственного заката все же немного приблизилось к западному, а в другом – напротив, очень сильно от него отдалось. И потому опять к «типологическому единству» с Западом не пришло.

Итак, служебные и земельные отношения в Московском государстве в общем и целом в конце концов совпали. Но был ли это вассалитет западного образца? Следует вспомнить верное указание Андерсона на принцип «общьюности» «западного средневекового феодального контракта». Андерсон справедливо отмечает, что «настоящая феодальная система содержала очевидный компонент взаимности – у вассала были не только обязанности перед своим господином, но и права, которые сюзерен был обязан уважать» (2, с. 212). В частности, сеньор не мог чинить насилие против вассала; вассал, как показывает Блок, в случае рукоприкладства со стороны сеньора имел право разорвать с ним отношения (4, с. 225).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

На Руси отдаленным подобием таких отношений была исконная взаимо связь князей с их старшей дружиной (боярами). Здесь принципы «обоюдности» и «взаимности» соблюдались в полной мере. Князь, примерно как король в западной «феодальной лестнице», был лишь первым среди равных (16, с. 55). Бояре были вольными слугами, имели возможность перехода на службу к другому князю. Отсюда поведение князя в отношении дружины: как писал Сергеевич, «дружине нельзя приказывать, ее надо убеждать» (23, с. 410). К примеру, в 1169 г. князь Владимир Мстиславович не спросил в одном мероприятии совета дружины и получил от нее ответ: «О себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали» (23, с. 410–411).

Мало-помалу все изменилось. Князья в Северо-Восточной Руси все охотнее стали опираться не на старшую дружины, а на младшую – на людей своего двора или, иначе говоря, дворян. Их «общественное положение», по тактичному замечанию Сергеевича, «было не из высоких», среди них встречались даже холопы (23, с. 458). Как отмечают Кобрин с Юргановым, это были не друзья и соратники князя, а его личные слуги, – естественно, и относился князь к ним как к слугам, а не равным товарищам (16, с. 56–57). Постепенно такое отношение распространялось на остальных служилых людей, т.е. на бояр. «Из вольных слуг они стали невольными» (23, с. 428–429), элементы «обоюдности» и «взаимности» из их отношений с князем пропали. Конечно, это был долгий процесс. Его завершение обозначили знаменитые слова Ивана Грозного, с которыми он казнил в массовом порядке и дворян, и бояр, и даже князей: «А жаловать есьма своих холопей вольны, а и казнити вольны же» (26, с. 36). Тогда у царя уже не было сомнений, что любой, даже самый знатный подданный является его холопом. Но истоки таких отношений коренятся в более ранних периодах русской истории. Так, еще в 1432 г., во времена куда менее тиранические, Иван Всеволожский, один из самых высокопоставленных бояр, уничтожительно, как считается, называл себя «холопом великого князя» (12, с. 268).

Однако и тут следует возражение Горского. Если ему верить, не так уж плохи были дела московской знати. И правда, как пишет Горский, при Иване Грозном и позже «совпадение определения служилых людей как “холопов” государя с наименованием людей несвободных способствовало развитию представлений о приниженнем положении знати по отношению к правительству». А до того было не так. По словам Горского, «изначально определение знатными людьми себя в качестве “холопов” государя не имело целью унижение знати» (7, с. 221). Логика следующая. «Холоп» – это производное от монгольского «богол», т.е. «раб». «Боголами» называли людей, зависимых от ханов. И не всех подряд, а весьма высокопоставленных, тогда как «человеку относительно незнатному имя ханского “богола” надо было заслужить» (7, с. 218). И в том числе «боголами» были русские князья, подчиненные хану.

Этим званием, как выходит у Горского, подчеркивался их высокий статус. А дальше, по мере освобождения от власти татар, московские князья становились на место ханов, сами начинали превращаться в верховных правителей. И «боголами» или «холопами» были для них уже собственные бояре. Боярское звание «холоп», полагает Горский, поднимало статус московского князя как лица, взявшего в свои руки прежние полномочия монгольского хана, а вовсе не приижжало положение бояр. Напротив, их статус становился только выше, «как ни парадоксальным это может показаться» (7, с. 221). «Холопами» («боголами») раньше именовали князей, теперь «следовательно, те, кто именовался “холопами” царя московского, тем самым приравнивались к князьям». «Какое уж тут самоуничижение...», – заключает Горский (7, с. 222).

Честное слово, такое рассуждение в голове не укладывается. Обозвав холопами, бояр «приравняли к князьям»... Давайте вспомним: ханы были обычными восточными деспотами, которые, по крылатому определению, являлись собственниками всех своих подданных, независимо от их ранга (22, с. 63). Вот и над русскими князьями ханы имели полную власть и распоряжались всецело их жизнями. Хан, отмечают Кобрин и Юрганов, «не только мог приговорить русского князя к смертной казни, но и привести приговор в исполнение самым унизительным образом» (16, с. 57). Неужели Горский не видит в таком порядке ничего унижительного?

И если название «холоп» перешло потом к боярам, это означало, что на них распространились и принципы, заложенные в таком звании. Князья были по сути рабами ханов, а бояре стали таковыми по отношению к князьям. Иван Грозный, творя полный произвол над подданными, явно относился к ним как к рабам. Кажется, Горский с этим не спорит. Только зря он ведет отсчет «приниженного положения знати» от Ивана Грозного. Начинать надо гораздо раньше. Еще отец Ивана Грозного Василий III, по свидетельству западного наблюдателя, в «принижении» очень отличился: «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством...» (26, с. 35). Василий III периодически советовался по государственным вопросам с приближенными, но одного из них казнил за «непригожие речи», когда тот пожаловался, что государь не любит против себя возражений (15, с. 16, 118). А отец Василия III Иван III удостоил казнью или опалой тех из придворных, которые дали неправильный, как показалось самому государю, совет по поводу назначения наследника. А потом напоминал приближенным судьбу одного казненного и рекомендовал «не высокоумничать» (15, с. 119). Помимо этого Иван III фактически ликвидировал «право отъезда» бояр, т.е. право на выбор места службы или вовсе на отказ от нее. Ликвидировал без излишней щепетильности: служилые люди просто брались под стражу «при малейшем подозрении об отъезде» (23, с. 424). Если в Западной Европе насилие со стороны сеньора было основанием для разрыва служебной связи, то в русских условиях эта связь с определенного момента

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

как раз и обеспечивалась высочайшим насилием. Вот как поступали с теми, кого, по версии Горского, «приравняли к князьям».

На самом деле ничего удивительного в таком положении знати не было. В нем заключалось цена, которую Русь заплатила за монгольское иго. Цена сложилась не только из катастрофических последствий монгольских набегов, не только из огромной дани, которую выплачивали русские люди, но и из деспотических отношений внутри русских земель, перенесенных сюда под монгольским воздействием. На Западе феодальные отношения возникли под влиянием германо-романского синтеза, первым шагом в их направлении была «рекомбинация различных элементов», каковыми принято считать «разложившийся рабовладельческий способ производства... и расширенные и деформированные способы производства германских завоевателей» (1, с. 19–20; 10). Русь через германо-романский синтез не проходила – именно с этим Кобрин и многие другие связывали ее вековые отличия от Западной Европы (14, с. 203). Зато для русской средневековой истории был характерен другой синтез, «рекомбинация» древнерусских и восточных порядков. И этот синтез оказался для русских земель столь же судьбоносным, как германо-романский для Западной Европы.

Эти два разных синтеза наложили неизгладимый отпечаток на пути развития Западной Европы и России. Горский настаивает на том, что данные пути разошлись только к концу XVI столетия, когда после формирования крестьянских отношений российский общественный строй приобрел «типологическую специфику» (6, с. 26; 7, с. 80). Но откуда она в данном случае взялась? Очевидно, из предшествующей специфики – той, которая была характерна для всего русского Средневековья. Именно она предопределила и позднейшее качественное своеобразие русской истории, ее отличия от западной. Запад на базе своего феодального прошлого быстро пошел капиталистическим маршрутом, Россия же, лишенная схожего феодального фундамента на многие века погрязла в крепостничестве.

Литература

1. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. – М., 2007. – 288 с.
2. Андерсон П. Родословная абсолютского государства. – М., 2010. – 512 с.
3. Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. – Ростов-н/Д., 1980. – С. 21–37.
4. Блок М. Феодальное общество. – М., 2003. – 504 с.
5. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. – М.–Л., 1947. – 495 с.
6. Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. – М., 2008. – Вып. 69 (4). – С. 9–26.

**ЗАПАДНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ И РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
(ПОЛЕМИКА С А.А. ГОРСКИМ)**

7. Горский А.А. Русское Средневековье. – М., 2010. – 222 с.
8. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. – М., 2008. – 480 с.
9. Гуревич А.Я. «Генезис феодализма» и генезис медиевиста // Гуревич А.Я. Избранные труды. Германцы. Викинги. – СПб., 2007. – С. 5–22.
10. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды. Германцы. Викинги. – СПб., 2007. – С. 187–342.
11. Дюби Ж. Европа в Средние века. – Смоленск, 1994. – 316 с.
12. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М., 1991. – 286 с.
13. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. Т. 1. – М., 1987. – 432 с.
14. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. – М., 1985. – 278 с.
15. Кобрин В.Б. Иван Грозный. – М., 1989. – 175 с.
16. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. – М., 1991. – № 4. – С. 54–64.
17. Колесницин Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. – М., 1968. – С. 618–637.
18. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб., 2007. – 391 с.
19. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, 2005. – 560 с.
20. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 2006. – 568 с.
21. Покровский М.Н. Русская история. Т. 1. – СПб., 2002. – 346 с.
22. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. – М., 2008. – 401 с.
23. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. – М., 2007. – 699 с.
24. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. – СПб., 1999. – 372 с.
25. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. – Л., 1990. – 328 с.
26. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. – М., 1991. – С. 34–75.
27. Reynolds S. Fiefs and vassals. The medieval evidence reinterpreted. – New York–Oxford, 1994. – 544 p.